

**И.А. Мурзинова**

Волгоградский государственный  
университет

## **ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА»: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

*Социально-гуманитарные науки*

The American dream is that any citizen can rise to the highest office in the land. The British dream is that the Queen drops in for tea.  
M. Bywater, «Independent», 20 October 1997  
(The Little Oxford Dictionary of Quotations www)

Последние десятилетия в лингвистике ознаменовались повышенным интересом к проблемам лингвоконцептологии и лингвоперсонологии (теории языковой личности) как базовых ответвлений лингвокультурологии. Синтез этих областей знания привел к возникновению теории лингвокультурных типажей, в рамках которой исследуются концепты типизируемой личности. Лингвокультурные типажы как обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной лингвокультуры, поведение которых воплощает в себе нормы и ценности социума, исследуются при помощи методов лингвистического анализа, а также методов смежных наук (психолингвистики, социолингвистики и др.). Новаторской моделью описания лингвокультурных типажей стал алгоритм, предложенной О.А. Дмитриевой [2], который предполагает поэтапный анализ понятийной, образной и ценностной составляющих лингвокультурного типажа, а также освещение исторической, культурной, социальной, психологической сторон типизируемой личности.

Являясь знаковой фигурой для британской лингвокультуры, типаж «британская королева» представляет собой важный источник информации о фундаментальных ценностях Британии, в частности о столь значимом для британского сознания, но не получившем достаточного освещения в лингвокультурологии понятии, как «монархия». Отношение британцев к монархам вообще и к королевам, в частности, всегда было эмоционально маркированным — от идеализации представителей этой сравнительно небольшой социальной группы до яростных выступлений антироялистов. Например, Б. Шоу писал в дни золотого юбилея королевы Виктории: «Ясно, что искренняя вера в идеальную монархическую власть еще живет среди нас. И как олицетворение этого идеала — наши молитвы за королеву, что основательно поддерживает трон» (цит. по: [5: 101]). П.Б. Шелли, напротив, негодовал по поводу объявления национального траура в связи со смертью королевы Каролины: «Свобода умерла, последуем же медленно, почтительно за трупом английской свободы» [3: 13].

Длительное сохранение монархии в Британии является еще одним примером знаменитого британского консерватизма, стремлением поддерживать традицию (эта черта британского национального менталитета часто обозначается исследователями “heritage”). Указы-

вая на эту особенность британского характера, британский исследователь М.Грейтон писал: “No nation has carried its whole past so completely into the present. With us historical associations are not matters of rhetorical reference on great occasions; but they surround the Englishman in everything that he does, and affect his conception of rights and duties on which national life is built” (цит. по: [9: 11]). Своеобразие национального менталитета островных жителей, во многом объясняющее феномен выживаемости монархии в Британии, проистекает из ряда особенностей исторического, политического, социокультурного развития Англии, которые рассматриваются в данной статье.

Существенную роль в укреплении британской монархической традиции сыграла и продолжает играть английская церковь. Архиепископ Кентерберийский Д. Кери сказал: «Церковь Англии, подобно Национальной службе здравоохранения, открыта для всех. Кто-то ее выбирает. Но никто не обязан быть ее членом. Это встроено в наше национальное сознание» [6]. Несмотря на то, что сегодня только небольшая часть британцев регулярно посещают английские храмы, почти все жители страны прибегают к услугам приходских священников для крещения детей, венчания и похорон. Именно в англиканских храмах провозглашается ежедневная здравица в честь короля или королевы. Поддержанию авторитета британской монархии способствует и то, что со времен Генриха VIII Тюдора (1491—1547), который покончил с засильем в стране католической церкви, осуществив реформацию и возложив на себя обязанности главы Англиканской церкви. Монарх, помимо выполнения государственных функций, является правителем национальной англиканской церкви (главой же этой протестантской конфессии признан Иисус Христос). Он (по представлению премьера) назначает настоятелей соборов, а духовенство присягает на верность короне. Верховенство суверена здесь носит не конституционный, а скорее символический и церемониальный характер. Монарх остается высшим правителем государственной церкви не как личность, обладающая какими-либо полномочиями в отношении ее, а как официальный глава государства, связывающий два института — политический и духовный.

Корни такого понимания роли монарха для церкви и государства лежат в далеком прошлом — еще в Средние века и Новое время в политической и религиозной сферах Англии существовала теория о королевской власти как священном праве, предоставленном Богом, как логическом следствии феодальной идеи о верховной власти, как праве частной собственности. Король был реальным собственником страны, и единственным владельцем над королем был Бог [4].

Естественно, что следствием распространения доктрины о божественной власти монарха стало соответствующее отношение к нему со стороны подданных. В общественном сознании англичан утвердилась мысль, что короли обладают сверхъестественными способностями, в частности, являются прирожденными гонителями болезней: в средневековой Англии освященные королем кольца (stamp-rings) считались средством избавления от судорог и эпилепсии, а прикосновение ко-

ролевской руки способно было, по мнению англичан, излечить больного, страдающего золотухой. Эта вера легла в основу обряда по возложению рук (король прикасался к больному рукой, вешал ему на шею монету, произносил молитву). Король Яков II только с марта до декабря 1685 г. того же года возложил руки на 4422 человека. Английский писатель Д.Фортеस्कью в своем трактате «Защита прав дома Ланкастеров» старался доказать, что потомство по женской линии не сохраняет привилегий, даруемых королевской кровью, что руки королевы не обладают той чудотворной мощью, какая присуща рукам королей. В Англии по отношению к королевским женам действовало именно это правило, однако впоследствии оно не распространилось на принцесс, получавших корону по праву наследства, — Марию Тюдор, Елизавету, Марию, дочь Якова II, Анну и Викторию. Показательно, что в колоде игральных карт в то время девятка червей была украшена изображением королевы, возлагающей руки на золотушных [1]. В современном разговорном английском языке до сих пор существует словосочетание “king’s evil”, означающее «золотуха», а о некогда сильном стереотипном представлении о сверхъестественных способностях короля напоминает устаревшее значение слова “sovereign” («суверенный, державный») — имеющий чудотворную силу, особенно для излечения болезней, например, “sovereign remedy” — «чудесное средство» [12].

Помимо «божественного ореола», вокруг королей витал и «ореол земного могущества». Немалое участие в его создании приняли и сами короли, всячески поощряя создание поэтами художественных произведений, как правило, поэтических, в которых прославлялись их сила и отвага. Многие монархи отождествляли себя с могущественным королем Артуром и «заказывали» произведения о нем — сложившаяся в V в. легенда об Артуре обрела новые интерпретации в течение последующих столетий. Например, придворные поэты создавали в честь Эдуарда Третьего рыцарские романы, развивая артуровскую тему и называя его «новым Артуром», а поэт А. Теннисон, прославляя покойного мужа королевы Виктории принца-консорта Альберта, посвятил ему в символической форме свое произведение «Королевские идилии». При этом монархи действительно верили в свой исключительный статус, например, королева Виктория, считавшая, что члены королевского рода представляют собой особую касту, говорила своей старшей дочери, германской кронпринцессе: «Наше положение таково, что мы абсолютно не похожи на прочих людей» [7]. Положение монарха по отношению к другим социальным позициям Виктория характеризовала как “anomalous” («аномальное, ненормальное») [8].

С развитием английского общества, по мере того как изменялись представления британцев о системе государственного устройства страны, менялись и представления о роли монархии в этой системе. В процессе эволюции монархии имело место постепенное уменьшение ее независимой власти, возникла идея о представительном управлении. Гражданская война 1258—1267 гг. привела к тому, что королевская власть окончательно осознала необходимость компромисса. В ре-

зультате политики реформ Эдуарда Первого во второй половине XIII в., наряду с относительно сильной королевской властью, в Англии было создано сословно-представительное собрание, обладающее совещательными, финансовыми и некоторыми законодательными функциями, однако еще несколько столетий парламент действовал под доминирующим влиянием короны.

Правление династии Тюдоров (1485—1603) было периодом абсолютной власти монархов. Последний представитель этой династии — Елизавета I стремилась управлять Англией без всякого участия парламента и за 45 лет своего царствования созывала его только 13 раз. На парламента она смотрела только как на средство получить новые налоги, резко сопротивлялась всяким попыткам вмешиваться в вопросы, которые она считала королевской прерогативой [11]. Тем не менее во время правления Елизаветы I парламента окреп: члены палаты общин решались вести диалог с королевой на равных. В нем все громче звучали голоса представителей крайнего направления Англиканской церкви — пуритан с их требованиями очищения церкви от всех атрибутов католицизма и полного отказа от подчинения короне. Появилось понятие о конституционной королевской власти, зависимой от воли народа.

Антироялистские настроения достигли своего пика в XVII в.: парадоксально, но именно англичане первыми из европейцев казнили своего короля — Карла I Стюарта (1600—1649). С конца XVII—начала XVIII в. в стране установилась конституционная монархия, чему не было аналогов в других европейских государствах. Борьба с целью выяснения главного вопроса революции XVII в. — кто должен править, король или парламента, завершилась победой парламента, уничтожением феодализма и абсолютизма. После казни Карла I парламента провозгласил себя носителем верховной власти в стране. Установление конституционной монархии совпало с правлением первых королей Ганноверской династии. С этого времени власть монарха была ограничена не только формально, но и фактически. Последующая реставрация монархии в 1660 г. не изменила сложившегося положения, отные суверен царствовал с разрешения и согласия парламента.

Королева Виктория, вступившая на трон в 1837 г., будучи воспитанной в уверенности, что монарх обладает неограниченной властью, отрицательно относилась к конституционной революции, которая во многом разрушила власть суверена и ограничила его влияние. Тем не менее, как и Елизавета I, Виктория стремилась поддерживать согласие с парламентом без использования рычагов диктаторской власти.

В первые годы царствования королевы Виктории была предпринята попытка свержения монархии, когда антироялисты провозгласили «Республику Англию» на Триумфальной площади Лондона, в печати королеву Викторию называли «мусором», а принца Альберта — «вшивым» и «дорогим» — дорого обходящимся казне) [6: 94]. В наше время спад популярности монархии в лице королевы Елизаветы II и ее семьи приходится на период конца 1990-го — начала 1991 г. (как указывала «Санди Таймс», в этот период англичане стали считать, что королевская семья уже не является для них абсо-

лютым образом, что «монархия испытывает достаточно серьезные трудности в определении своего места в обществе» [6: 247], а также на 1997 г., когда народное недовольство было вызвано поведением королевской семьи после гибели в автокатастрофе принцессы Дианы. Эти эпизоды «противления» монархии нередко объясняются не соответствующим ролевым ожиданиям британцев поведением того или иного монарха или его отталкивающими личными качествами. Негативное отношение народа к личности Карла I сыграло решающую роль в его судьбе — он сверг страну в гражданскую войну, своей авторитарностью, игнорированием парламента, религиозной нетерпимостью восстановил против себя значительную часть нации. Другой пример — народ ненавидел Георга IV (падению популярности монарха способствовали его разгульный образ жизни, бесконечная смена любовниц, скандальная семейная жизнь), но устроил оvation его жене Каролине и ее защитникам в Лондоне, когда Георг IV воспротивился включению имени королевы в литургию и обвинил ее в прелюбодеянии. Похороны же королевы вызвали волну демонстраций [3]. Непопулярность другого короля, Джеймса Первого, и его политики, по мнению британского историка Дж. М. Робертса, объясняется не какими-либо серьезными промахами, а, скорее, отсутствием такта и манерой поведения, не свойственной коренным британцам (“his alien ways”) [10: 467]. Видимо, для англичан важно не только «правильное» исполнение монархом предписанной ему институциональной роли, но и его личное обаяние, т. е. то, каким они представляют себе его внутренний мир, вопреки установке, внедрявшейся в народное сознание британцев еще в XVI в., согласно которой порядок (order) должен «обуздать» привязанности (“bridle the affections”) [9: 106]. Все вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: англичане очень внимательно относятся к личности монарха, тщательно оценивая ее как по утилитарным, так и по моральным критериям. При этом положительная или отрицательная оценка может оказывать определенное влияние на устойчивость монархической традиции.

Сохранению монархии благоприятствует и политический фактор — устройство государственной системы Британии. Британский историк В. Богданор отмечает, что при демократической системе управления имеются две важные должности — главы правительства и главы государства. В США, например, эти посты заняты одной личностью — президентом, который представляет одну партию и, следовательно, только часть населения. Объективно такая фигура не может объединять общество. Не случайно символом американской нации является конституция. В Британии же функции главы правительства и главы государства разделены между премьер-министром и монархом, при этом суверен выступает как политически нейтральное лицо, представляющее государство и нацию в целом. «Можно предположить, — пишет В. Богданор, — что для государства лучше иметь определенную личность как фокус национальной идентичности, чем конституцию или историческую традицию, так как для граждан легче понять значение символа и проявлять преданность реальному человеку, чем концепции» (цит. по: [5: 267]).

Британский монарх обладает важной прерогативой — он символизирует стабильность, целостность и величие государства. С «Акта о королевском титуле» 1876 г. (Royal Titles Act), провозгласившего королеву Викторию императрицей Индии, корона стала эмблемой империи, а для граждан страны олицетворяла величие их родины. Эдуард VII стал первым сувереном, который был объявлен императором. В феврале 1901 г. видный консервативный деятель и лидер палаты общин А. Дж. Бальфур направил Эдуарду VII послание, в котором подчеркивал важность новой функции монарха. «Король в настоящем, — отмечалось в письме, — это конституционный центр, объединяющий в единую империю сообщества свободных людей, разбросанных по земному шару. Весь патриотический порыв, который делает существование такой империи возможным, сосредоточен на нем или главным образом на нем; и во имя его величия наши соотечественники за морями добиваются укрепления монархии и империи» [5: 274].

В 1947 г., когда британская колония Индия добилась независимости от метрополии, создав прецедент, за которым последовали другие азиатские и африканские страны, и Британия лишилась статуса мировой державы, распад империи не обернулся трагедией для метрополии. На ее месте возникло новое объединение, а страна смогла своевременно переориентироваться на Европу. При этом некоторые деятели консервативной партии были убеждены, что важнейшим умиротворяющим фактором являлась корона. «Стабильность британского государства в течение массовой деколонизации и экономического упадка — наиболее впечатляющая черта нашей политической жизни в послевоенные годы, — заявлял известный консерватор лорд Хейлишем. — Невозможно точно определить вклад монархии в обеспечение этой стабильности. Однако символизм монархии был умело использован для смягчения удара от потери империи, когда в 1949 году король принял титул главы Содружества, чтобы Индия получила возможность остаться в новом объединении как республика» (цит по: [5: 278]).

Сегодня правящая королева Елизавета II является главой государства и Содружества, считается верховным носителем исполнительной власти, главой судебной системы, верховным главнокомандующим вооруженными силами, светским главой Англиканской церкви. Королева имеет формальное конституционное право созывать парламент на сессии, распускать палату общин, санкционировать законопроекты, принятые парламентом. Следует отметить, что ни один из суверенов XX в., включая и правящую королеву, не ограничивал свою деятельность представительскими функциями. По мнению историка Г. С. Остапенко, «бесспорным фактом является способность монархов соответствовать требованиям времени и адаптировать к ним институт монархии, который благодаря этому сохранил свой престиж и подлинную ценность в представлении большей части населения Великобритании» (Там же: 278— 279). Таким образом, британская монархия, вросшая в демократическую систему, ставшая частью государственности, но не утратившая при этом некоторых самостоятельных функций, способствует поддер-

жанию целостности Британии как государства и единства британского народа как нации.

Исследование социально-исторической стороны лингвокультурного типажа «британская королева» предполагает рассмотрение той особой роли, которую играют женщины в общественной жизни британцев. Британию можно назвать, пожалуй, самой матриархальной страной в мире. В художественных произведениях, созданных английскими авторами, отмечается независимый, мятежный, даже строптивый нрав английской женщины. В XIII в. Д. Чосер учил жен в «Кентерберийских рассказах»: «Бояться мужа — глупого глупей: / будь он в кольчужные закован звенья, / Стрелами острыми своих речей / Пронзишь ты и стальное облаченье». А также давал совет «на благо всем хватать бразды правленья». Дочь короля Лира заявляла: «Я меч возьму, а мужа засажу / За прялку...». Дух протеста и независимости проявляется и в характере главной героини известного романа Ш. Бронте «Джен Эйр», смелой и чистой девушки, одиноко ведущей тяжелую борьбу за существование и свое человеческое достоинство, протестующей против всякого угнетения: «Когда нас бьют без причины, мы должны отвечать ударом на удар — иначе и быть не может — притом с такой силой, чтобы навсегда отучить людей бить нас!».

Традиция независимости, воинственности английской женщины имеет древнюю историю. В первом веке завоевание римлянами Британии встретило яростное сопротивление на юго-востоке острова, со стороны племени иченов. Возглавляла иченов гордая и бесстрашная королева Боадия (другой вариант транслитерации — Боуддикка). Англичане и в наши дни с большим интересом относятся к ее личности. Воздвигнутый в Лондоне у здания парламента мемориал призван служить напоминанием о почти 2000-летней родословной британской монархии — женщина-воительница на несущейся в бой колеснице. Надпись на цоколе памятника гласит: «Боудикке, королеве иченов, поднявшей свой народ против римских завоевателей, погибшей в 61 году».

Феномен английской женщины проявляется, в частности, в литературном творчестве. Если имена немецких, итальянских, российских писательниц знакомы сегодня, пожалуй, только специалистам-литературоведам, а из французских авторов-женщин всемирно известна одна Ж. Санд, то Англия породила целую плеяду читаемых во всем мире писательниц (Д. Остин, Ш. Бронте и ее сестры, М. Шелли, Э. Гаскел, В. Вульф, А. Мердок, в наше время — автор детского бестселлера о Гарри Потере Дж. К. Роллинг).

Не менее активны британки и в политике — именно британские женщины были в числе инициаторов распространения феминизма, начавшегося с движения суфражисток во 2-й половине XIX — начале XX в. в Великобритании, США, Германии и некоторых других странах. Радикальная тактика обструкций, включающая шумные манифестации, наиболее активно применялась именно английскими суфражистками. Неизгладимый след в английской политике оставила М. Тэтчер, которая, не являясь королевой, «царствовала» — женщин премьер-министров такого масштаба не было в континентальной Европе.

Женщины на английском троне тоже сыграли заметную роль в истории Британии. Елизавета I положила начало мировому господству страны — Виктория сплотила британское общество и подтвердила положение страны как великой державы. Викторианская Англия достигла высокого экономического развития, став «мастерской мира» (the workshop of the world). Пожалуй, самым важным сходством тюдорской и викторианской эпох было то, что на их протяжении британский народ испытывал «сильнейшее чувство национальной идентичности» [9: 106], чему в немалой степени способствовала сложившаяся система монархического правления и, в какой-то мере, личные качества обоих королей. Сегодняшняя Елизавета II, хотя и не стала пока основательницей новой Елизаветинской эпохи, является в значительной мере важным консолидирующим началом в стране.

Установленные факты присутствия в британском национальном сознании аксиологических доминант «монархия» и «женщина-монарх» позволяют сделать вывод о том, что они являются актуальными для массового сознания британцев, опредмечиваются в языке, активно обсуждаются в текстах культуры и критически оцениваются британцами, т. е. относятся к числу британских национальных лингвокультурных концептов. Англичане очень внимательно относятся к личности монарха, тщательно оценивая поведение короля или королевы как по утилитарным, так и по моральным критериям. При этом положительная или отрицательная оценка зависит от того, насколько поведение короля или королевы соответствует ожиданиям британцев, связанным с институциональной ролью монарха (прежде всего, с его консолидирующей функцией в социуме) и с его личностью, и может оказывать определенное влияние на устойчивость монархической традиции. Таким образом, лингвокультурный типаж «британская королева» выступает своего рода выразителем национальной идеологии британского социума, а образ королевы — это квинтэссенция национального характера, выражение сущности британцев.

## Литература

1. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представленный о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М.: Яз. рус. культуры, 1998. 712 с.
2. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.
3. История XIX века/пер. с фр. / под ред. проф. Лависса и Рамбо. М.: Гос. соц.-экон. изд-во. «Огид», 1938. Т. 4. 527 с.
4. Общественная жизнь Англии. М.: Изд-во. К. Т. Солдатенкова, 1898. 537 с.
5. Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II: Концепция управления и личность суверена. М.: Наука. 2006. 304 с.
6. Попов В.И. Жизнь в Букингемском дворце. Елизавета II и королевская семья. М.: ТОО «Новина», 1996. 496 с.
7. Брэдфорд С. Елизавета II: Биография Ее Величества королевы. М.: Вагриус, 1998.

8. Arnstein L. Walter. Queen Victoria (British History in Perspective). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 254 (22) p.
  9. Briggs A. A social history of England. Penguin Books, 1988. 320 p.
  10. Roberts J. M. History of the World. Oxford: Helicon Publishing Ltd, 1995. 952 p.
  11. Брокгауз Ф. А., Евфрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://infolio.asf.ru>; <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/086/86220.htm>.
  12. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1992. Т.1: А—L. 626 с. (LDCE).
  13. Longman Dictionary of Contemporary English = Словарь современного английского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1992. Т.2: М—Z. 1229 с. (LDCE).
-